

ЖЕНЩИНА — ВСЕГДА ЗАГАДКА

Став бабушкой,
Вет. Цескв. - 1995. 2 докл. - с. 6.
взялась ваять

Пушкиных на презентации было явное большинство. Да и кому, как не им первым, отдать право оценить еще один скульптурный портрет великого пращура. Он не похож на своих собратьев, виденных мною в разных городах и странах, но он ее, Елены Александровны Косовой. Бабушка родила очередное детище, которое не спутаешь ни с чьим.

В профиль взрослый Пушкин задумчив, анфас улыбается, словно вспоминает о чем-то приятном, а может быть, и о ком-то. Улыбка настолько загадочна, что забыть ее уже нельзя, как и приветливую улыбку хозяйки мастерской, разместившейся в сказочном бревенчатом теремке, с виду кажущемся ровесником Ганнибала, прадеда Александра Сергеевича.

С Абрама Петровича, камердинера и секретаря Петра I, началась своя пушкиниана Елены Александровны. Пушкин у каждого должен быть свой, не похожий на других, убеждена она.

Начало было непростым. Ведь не сохранилось ни одного портрета арапа Петра Великого, нет подробного описания его внешности даже в одноименной повести, разве что крестник императора был высок и строен. Создать его образ в своем воображении помогла та узловатая ниточка, которая протянулась от Александра Сергеевича до африканской земли, где родился Ганнибал. После того, как кропотливо был развязан последний узелок, возник образ, а воплотить его в твердь — дело рук мастера. Буквально через несколько дней портрет был закончен. Елена Александровна уготовила ему счастливую судьбу. Ганнибал был признан зрителем, потомками, специалистами и главное — самим Семеном Степановичем Гейченко, хранителем Пушкинского музея-заповедника в Михайловском.

Когда Семена Степановича не стало, «охраняет» музей от всего недоброго выпускник парижского военного училища, отважный участник войны с Испанией арап Ибрагим.

До того, как встать на вахту, теперь уже канонизированный сподвижник Великого Петра побывал на выставке в Манеже, где им восхищались, как и светские красавицы Парижа без малого лет 300 тому, разве что с меньшим вождением.

За бюст Наталии Николаевны Гончаровой Елена Александровна побаивается браться, смущает ее божественная красота супруги поэта. У меня на сей счет другая догадка. Чтобы подтвердить ее, проследим творческий путь скульптора Е. Косовой.

В детстве она увлекалась танцами, участвовала в школьных балетных и театральных постановках, немного играла на пианино. Позже изучила английский язык настолько, что доводилось работать переводчицей у самого Бориса Васильевича Петровского, известного хирурга. Кстати, недавно закончен его портрет.

Но переводческую стезю пришлось закончить и поехать вместе с мужем — военным дипломатом — в Венгрию. Новые знакомства, друзья, встречи. Одна из них — в доме известного скульптора Иштвана Дарабоса. В гостиной висела посмертная гипсовая маска Бетховена. Что-то подтолкнуло Елену Александровну сказать, что она может сделать копию, чем вызвала снисходительную улыбку хозяина. Когда она принесла работу, мастер вынес «приговор»: Елена, вы прирожденный скульптор.

С этого все и началось. Первым скульптурным портретом был Шандор Петефи. В то время Елена Александровна уже стала бабушкой. Постигая тайны ремесла, она изваяла А. Чехова, В. Маяковского, Ф. Листа. И вскоре, минуя ступени ученичества, Е. Косова заявила о себе как настоящий художник. Венгерские коллеги не переставали восхищаться феноменом мастера-самоучки, о ней писала пресса. «Косову можно считать уникальным представителем реалистического искусства последней трети нашего столетия», — так лестно оценила творчество Елены Александровны научный директор Венгерской национальной галереи Дьенди Эри. Советский скульптор становится почетным членом венгерского Союза художников.

Москва достаточно прохладно отнеслась в то время к самобытному творчеству мастера, и лишь упоминавшийся Ганнибал заставил заговорить о незаурядном даровании Е. Косовой.

За плечами Елены Александровны 6 персональных выставок, в ее портретной галерее не один десяток известных деятелей. Многие заняли свое место в музеях, мемориальных домах: Маяковский — в фойе его музея, что в Лубянской проезде, Чехов — в ялтинском доме писателя, Петефи — в доме-музее венгерского города Кишкереш...

За 15 лет творчества — всего лишь два женских портрета: Индиры Ганди и Маргарет Тэтчер. Почему такая дискриминация? Отвечает Елена Александровна: «Реалистический портрет, которому я посвятила себя, складывается не только из черт внешних, но, что гораздо важнее, духовных. Женщина — всегда загадка для художника. Ее внутренняя сфера переливчата, подчас неуловима. Как ни парадоксально, но, по моему мнению, образы женщин больше удаются мужчинам. Им легче понять нас, чем нам самих себя».

Вот почему Е. Косова не решается подступиться к образу Наталии Гончаровой. Да, натура сложная. Но ведь и М. Тэтчер не случайно ласково называют «железная леди». Кстати, и изображена она поэтому с широким железным полукольцом вместо воротничка. Тем не менее экспремьер осталась очень довольна, когда ей подарили этот бюст.

А в мастерской скульптора еще с десяток работ законченных и пока незавершенных. Среди них нет неинтересных личностей. К примеру, дочь Маяковского Патриция Томсен и ее мать Эли Джонс. Но что, пожалуй, впервые

встречается в творчестве мастера — двойники. Генерал де Голль в расцвете сил и он же в преклонном возрасте.

И много замыслов. Осуществить их легче было бы в нормальных условиях. Сейчас же мастерская выглядит экзотически — домик ни в два ни в полтора этажа, с допотопным замком, даже без ручки на входной двери. Только ленивые воры не захотят туда проникнуть. Таки и проникли. — Слава Богу, портреты остались не поврежденными, — не вдаваясь в подробности, заключает Е. Косова.

Николай БЕЛОУСОВ

Фото
Виктора АХЛОМОВА
(«Известия»)

